

ШКІЛЬНА БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНСЬКОЇ ТА СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

*Марас
Шевченко*

*Му*ЗЫКАНТ

*Ху*ДОЖНИК

Харків
«Фоліо»
2015

МУЗЫКАНТ

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проезжая город Прилуки П[олтавской] г[убернии], советую вам остановиться на сутки в этом городе, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое суток. И, во-первых, познакомьтесь с отцом протоиереем Илиею Бодянским¹, а во-вторых, посетите с ним же, отцом Илиею, полуразрушенный монастырь Густыню², по ту сторону реки Удая³, верстах в трех от г. Прилуки. Могу вас уверить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство⁴. Тут все есть. И канал, глубокий и широкий, когда-то наполнявшийся водою из тихого Удая. И вал, и на валу высокая каменная зубчатая стена со внутренними ходами и бойницами. И бесконечные склепы, или подземелья, и надгробные плиты, вросшие в землю, между огромными суховерхими дубами, быть может, самим ктитором насажденными⁵. Словом, все есть, что нужно для самой полной романической картины, разумеется, под пером какого-нибудь Скотта Вальтера⁶ или ему подобного писателя природы. А я... по причине нищеты моего воображения (откровенно говоря) не беруся за такое дело, да у меня, признаться, и речь не к то[му] идет. А то я только так, для полноты рассказа, заговорил о развалинах Самойловичевого памятника.

Я, изволите видеть, по поручению К[иевской] а[рхеографической] комиссии⁷ посетил эти полуразвалины и, разумеется, с помощью почтеннейшего отца Илии, узнал, что монастырь воздвигнут коштом и працею несчастного гетмана Самойловича в 1664 году⁸, о чем свидетельствует портрет его яко ктитора, написанный на стене внутри главной церкви.

Узнавши все это и нарисовавши, как умел, главные, или святые, ворота, да церковь о пяти главах Петра и Павла, да еще трапезу и церковь⁹, где погребен вечныя памяти до-

стойный князь Николай Григорьевич Репнин¹⁰, да еще уцелевший циклопический братский очаг, — сделавши, говорю, все это, как умел, я на другой день хотел было оставить Прилуки и отправиться в Лубны осмотреть и посмотреть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Еремии Вишневецкого-Корибута¹¹. Сложил было уже всю свою мизерию в чемодан и хотел фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцию. Только входит мой хозяин в комнату и говорит: «И не думайте, и не гадайте. Вы только посмотрите, что на улице творится». Я посмотрел в окно — и действительно, вдоль грязной улицы тянулося две четырехместные кареты, несколько колясок, бричек, вагонов разной величины и, наконец, простые телеги.

— Что все это значит? — спросил я своего хозяина.

— А это значит то, что один из потомков славного прилуцкого полковника, современника Мазепы, завтра именинник¹².

Хозяин мой, нужно заметить, был уездный преподаватель русской истории и любил щегольнуть своими познаниями, особенно перед нашим братом, ученым.

— Так неужели весь этот транспорт тянется к имениннику?

— Э! Это только начало. А посмотрите, что будет к вечеру: в городе тесно будет.

— Прекрасно. Да какое же мне дело до вашего именинника?

— А такое дело, что мы с вами возьмем добрых тройку коней да и покатым чуть свет у Дигтяри.

— У какие Дигтяри?

— Да просто к имениннику.

— Я ведь с ним не знаком!

— Так познакомитесь.

Я призадумался. А что в самом деле, не махнуть ли по праву разыскателя древностей полюбоваться на сельские импровизированные забавы? Это будет что-то новое. Решено. И мы на другой день поехали в гости.

Начать с того, что мы сбились с дороги. Не потому, что было еще темно, когда мы выехали из города, а потому, что возница (настоящий мой земляк!), переехавши через удайскую греблю, опустил вожжи, а сам призадумался о чем-то, а кони, не будучи глупы, и пошли роменскою транспортной дорогой, разумеется, по привычке. Вот мы и приехали в село

Иваныцю¹³. Спрашиваем у первого встретившегося мужика, как нам проехать в Дигтяри?

— В Дигтяри? — говорит мужик. — А просто берить на Прилуку.

— Как на Прилуки? Ведь мы едем с Прилук.

— Так не треба було вам и издыть з Прилуки, — отвечал мужик совершенно равнодушно.

— Ну, как же нам теперь проехать в Дигтяри, чтобы не возвращаться в Прилуки? а? — спросил я.

— Позвольте, тут где-то недалеко есть село Сокирынци¹⁴, тоже потомка славного полковника. Не знает ли он этого села?

— А Сокирынци, земляче, знаеш? — спросил я у мужика.

— Знаю! — отвечал он.

— А Дигтяри от Сокирынець далеко?

— Ба ни!

— Так ты покажи нам дорогу на Сокирынци, а т[ам] уж мы найдем как-нибудь Дигтяри.

— Ходим за мною, — проговорил мужик и пошел по улице впереди нашей удалой тройки.

Он повел нас мимо старой деревянной одноглавой церкви и четырехугольной бревенчатой колокольни, глядя на которую, я вспомнил картину незабвенного моего Штернберга «О с в я щ е н и е п а с о к»¹⁵. И мне грустно стало. При имени Штернберга я многое и многое воспоминаю.

— Оце вам буде шлях просто на Сокирынци! — говорил мужик, показывая рукою на едва заметную дорожку, блестящую между густой зеленой пшеницей.

Замечательно, что возница наш в продолжение всей дороги от Прилуки до Иваныци и во время разговора моего с мужиком все молчал и проговорил только, когда увидел из-за темной полосы леса крытый белым железом купол:

— Вот вам и Сокирынци! — и опять онемел. Это общая черта характера моих земляков. Земляк мой, если что и впадет сделает, так не разговорится о своей удали, а если, Боже сохрани, опростофилится, тогда он делается совершенной рыбой.

В Сокирынцах мы узнали дорогу в Дигтяри и поехали себе с Богом между зеленою пшеницею и житом.

Товарищу моему, кажется, не совсем нравилось такое путешествие, тем более, что он имел претензию на щеголя. (А надо вам заметить, мы были одеты совершенно

ЗМІСТ

МУЗЫКАНТ	3
ХУДОЖНИК	68
ПРИМІТКИ ТА КОМЕНТАРІ. <i>Л. В. Ушкалов</i>	165